

Русская торговля на Чёрном море в первой трети XIX в.

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена исследованию развития торговли в Крыму и Новороссии после их присоединения к России. К началу XIX в. торговля хлебом ещё не набрала обороты в связи с недостаточным освоением новых земель, однако порты в Феодосии, Таганроге и Одессе регулярно принимали корабли из Константинополя и Архипелага. Севастопольский порт имел назначение военного. В 1821 г. по указу Александра I был основан порт в Керчи, который должен был выполнять роль форпоста при входе в Азовское море и начать торговые отношения с горскими народами Кавказского побережья Чёрного моря. С этой целью было учреждено Попечительство торговли с черкесами и абазинцами, которое регулировало отправку судов к Кавказскому берегу и деятельность меновых дворов в Керчи и на Бугазе. Отношения с горцами были сложными: те захватывали в плен экипажи российских судов, требуя за них денежный выкуп. Даже после Адрианопольского мирного договора 1829 г., когда территории вошли в состав Российской империи, местные народы отказывались подчиняться новой власти так же, как раньше не признавали власть турецкого султана.

Ключевые слова: торговля, внешняя политика, Чёрное море, Кавказское побережье, Крым, горцы.

С конца XVIII в. Восточный вопрос вышел на первый план в общих внешнеполитических задачах российского государства. Присоединение Крыма, выход к Чёрному морю, развитие в Новороссии земледелия и связанной с ним торговли через черноморские порты – все эти проблемы должны были получить разрешение в ходе русско-турецких договорённостей 1799 и 1805 гг., а также войны 1806–1812 гг. и заключённого по её итогам мирного Бухарестского договора. Российское государство явно стремилось к укреплению своих позиций в регионе для обеспечения свободной торговли со странами Средиземноморья и обороны южных границ.

УДК 339.5(470.6)“18”

Поступила в редакцию: 23.11.2022

Принята к публикации: 10.03.2023

Черноморская торговля России вышла на новый уровень после присоединения Крыма в 1783 г. и Кавказского побережья в 1829 г. Средиземноморское направление контролировалось Коммерческой канцелярией российской миссии в Константинополе, а связи с Кавказом – Попечительством керченской и бугазской торговли с черкесами и абазинцами. Несмотря на достаточную изученность южного направления русской торговли в целом (Кулишер 1923; Боровой 1962; Познер 1895), некоторые аспекты данного вопроса оказались вне внимания исследователей. Это касается, прежде всего, численности купеческих кораблей, проходивших через черноморские проливы. В свою очередь, изучение российско-черкесских контактов склонялось преимущественно к военному аспекту, а также к установлению политических контактов с вновь присоединёнными территориями (Пейсонель 1927; Дзидзария 1960; Лейберов 1995). Вопросы торговли, вышедшие на первый план в отношениях новой власти с адыгскими народами, ещё ждут своего освещения.

Целью предпринятого исследования стало определение основных направлений средиземноморской торговли после учреждения новых портов в Крыму, а также этапов развития коммерческих связей с кавказским берегом Чёрного моря.

Начало черноморской торговли после присоединения Крыма

8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала Манифест о принятии Крыма в состав России. В том же году был основан Севастополь, ставший в 1804 г. главным военным портом Черноморского флота, а с 1809 г. – военной крепостью¹. В рескрипте императрицы послу России в Великобритании И.М. Симолину от 26 марта 1784 г. говорилось о том, что «для всех с империей нашей в дружбе пребывающих народов» в Крыму открыты «некоторые из Черноморских наших пристаней, а именно: Херсон, Феодосия и Севастополь»². Объявлялось также, что к этим «пристаням» дозволено плавание «всем народам», которым торговля с Россией предоставляет выгоды. В ст. VII Ясского договора о вечном мире и дружбе России и Турции, заключённом 29 декабря 1791 г., говорилось: «... торговля есть сущий залог и самый крепкий узел взаимного доброго согласия»³. Новые черноморские порты в Крыму служили не только военными форпостами и крепостями, но и должны были выполнять функции торговых пунктов.

¹ *История Крыма*. 2017. Т. II. Москва. С. 95. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. Москва: Кучково поле, 2018. Т. 2. С. 95.

² *Крым в развитии России: история, политика, дипломатия*. 2018. Документы архивов МИД России. Ижевск. С. 208. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России /МИД РФ. Ижевск, 2018. С. 208.

³ Там же. С. 226.

Прежде всего, речь шла о торговле с Османской империей, как ближайшей соседкой и крупнейшим торговым партнёром. Российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский, следуя предписаниям из Петербурга, «сделал внушение консулам нашим в Леванте», поручив их особому попечению развитие морской торговли между двумя империями и обязав «уверить желающих вести у нас торговые свои промыслы ... о выгодах, какие всем иностранцам в портах наших предоставлены»⁴. Ввиду угрозы захвата торговых судов морскими разбойниками, Порты приняла на себя обязательство возмещать российским купцам убытки, которые могут быть понесены в случае нападения алжирских, тунисских и трипольских корсаров (ст. 61 Торгового трактата, заключённого между Россией и Османской империей после Ясского мира 1791 г.). При этом турецкое правительство должно было предпринять меры к тому, чтобы освободить пленных, а суда и товары вернуть владельцам⁵.

Вступивший на престол Александр I, «желая доставить купечеству сугубые выгоды», назначил для покровительства торговли в «полуденных» краях особых градоначальников портовых городов – Одессы, Таганрога, Кафы и Херсона⁶. Министр внутренних дел В.П. Кочубей и иностранных дел А.А. Чарторыйский были согласны в том, что градоначальники крымских городов «для общей пользы» должны состоять в постоянной переписке. Феодосийскому военному губернатору А.С. Феньшу предписывалось инструкцией поддерживать связь с посланником России в Константинополе и консулами «в скалах Левантийских» в интересах развития торговых связей с Турцией⁷. По указу от 15 декабря 1804 г. вслед за Одессой склад иностранных товаров был открыт в Феодосии, причём в 1809 г. туда было разрешено привозить товары, с которых взимается пошлина⁸. Пошлина на иностранные товары не была однородной. Так, «желая доставить торговые выгоды Республике Семи соединённых островов в черноморских портах» указом от 16 марта 1806 г. повелевалось уменьшить пошлину с привозимых оттуда вин, масла и ягод сухих на 10%⁹.

Каждый из учреждённых на крымском побережье городов имел особое назначение. По указу Александра I Севастополь назначался главным военным портом, куда не разрешалось входить купеческим кораблям «разве для починки или для спасения, а не для торга»¹⁰. Морской министр П.В. Чичагов, ссылаясь на

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Там же. С. 271.

⁹ Там же. С. 269. Республика Семи соединённых островов в Ионическом море с 1800 по 1807 г. находилась под покровительством Российской империи.

¹⁰ Там же. С. 262.

опыт других стран и регламент Адмиралтейства, указывал, что в иностранных державах военные и купеческие суда никогда вместе в одной гавани «не становятся»¹¹.

Всё большее значение в качестве торгового порта приобретала Кафа (Феодосия). Хотя ещё Екатерина II упоминала этот морской порт, в 1803 г. Новороссийский генерал-губернатор признавал, что Кафа не имеет торговых заведений, «но в самом скором времени должна быть приведена в цветущее состояние»¹². Уже в 1809 г. указом Александра I «к феодосийскому порту»¹³ разрешалось привозить облагаемые пошлиной иностранные товары.

Сразу после присоединения Крыма Екатерина II рассчитывала сохранить мирные отношения с Османской Портой. «Мы, не желая войны, оной не боимся, – писала императрица, – однако же только о том сожалеть будем, если разрыв воспрепятствует из черноморских наших пристаней в Средиземное море, а особливо во Францию, полезной торговли, которая уже взяла начало своё»¹⁴. Императрица не случайно говорила об этой европейской стране, поскольку русско-французские торговые отношения были достаточно активными, и в дальнейшем Франция надеялась монополизировать всю торговую деятельность в этом регионе (Боровой 1962: 501). Ещё по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. русский торговый флот получил право проходить через проливы в Средиземное море, а в 1791 г. по условиям Ясского мира Россия приобрела Очаков и гавань Одессы.

В Европе очень скоро узнали об «одесском чуде», которое состояло в той быстроте, с которой рос и развивался торговый город Одесса. «Чудо» объяснялось тем, что жители города с самого его основания в конце XVIII в. освобождались от податей, получали льготы и пособия от казны. С 1817 по 1857 гг. в Одессе было провозглашено порто-франко – беспошлинный привоз и складирование иностранных товаров, что способствовало привлечению капиталов и расширению торговых операций (Познер 1895: 203). В итоге Одесса стала крупнейшим российским торговым портом на Чёрном море, и большая часть иностранных судов с товарами направлялись именно сюда.

Морские суда к российским черноморским портам шли через Константинополь. До учреждения Коммерческой канцелярии, ставшей сосредоточением хозяйственной жизни всего дипломатического представительства России в турецкой столице, в российской миссии существовала Купеческая канцелярия, выполнявшая те же функции (Кудрявцева 2010). Возглавлял её член константинопольской миссии И.К. Фродинг. Именно здесь готовились списки торговых

¹¹ Там же. С. 268.

¹² Там же. С. 260.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ Там же. С. 199.

судов, направлявшихся через проливы в российские порты и возвращавшихся оттуда. Обычно в списках указывались название судна, порты приписки и назначения, имя шкипера и характер груза, иногда и количество товара. Списки ежегодно посылались в Коллегию иностранных дел в Петербурге, а после реформы 1832 г. – в Азиатский департамент российского МИД.

Из списков за 1800–1802 гг. следует, что наиболее развитые торговые отношения в те годы существовали у России с Турцией, Австрией и Республикой семи соединённых островов. Для английских, французских, голландских и прусских кораблей Порты открыла Босфор только в 1801 г. В 1800 г. из Константинополя в российские порты пришло 44 турецких торговых корабля с товарами российских купцов, 95 судов под русским флагом, 17 «цесарских», т.е. австрийских, и семь – из Греческой республики¹⁵. Из российских портов в Константинополь вышло 79 судов под русским флагом и 42 турецких с российскими товарами. В табели, составленной российским посланником В.С. Томарой, указано, сколько за истекший год прибыло в Константинополь российских торговых судов, сколько привезено товаров и сколько в турецкой столице торгующих российских подданных. Из этого документа следовало, что на российских судах перевозились пушной товар, железо, парусина, холст, пенька, воск, шерсть. Продовольственные товары состояли из икры, масла, сала, чая, сахара и пшеницы¹⁶. Весь экспорт оценивался в 2 044 389 руб. Из тех же документов известно, что в Россию ввозились виноградные вина, изюм, финики, орехи «греческие», миндаль, халва, оливки, гранаты, каперсы, оливковое масло, лимоны, апельсины, «сыр итальянский» и «пшено сорочинское» (рис). Из непродовольственных товаров были указаны только морские губки и ладан¹⁷. Весь импорт оценивался в 1 855 208 руб. Таким образом, русская черноморская торговля за 1800 г. имела активный баланс. С развитием Новороссийского края и ростом урожая пшеницы увеличивался экспорт русского хлеба, который постепенно становился основным предметом вывоза из черноморских портов.

«Генеральная табель» за 1801 г. содержала также сведения о том, сколько товаров между Россией и Турцией было перевезено морем и сколько «сухим путём», через Дунайские княжества. Из документа следовало, что сушей в Османскую империю везли пушной товар, ремень и янтарь на 45 220 руб., а в Россию – шёлк, жемчуг и «алмазные вещи» на 845 926 руб. На российских судах из России было вывезено товаров на 1 075 907 руб., а ввезено в Россию – на 726 951 руб.¹⁸. Таким образом, «сухим путём» российский вывоз уступал ввозу, а морем – превосходил. Можно объяснить этот факт, вероятно, тем, что «сухим путём» вво-

¹⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802). Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7-8.

зились драгоценности («алмазные вещи»), имевшие высокую стоимость. Уже на следующий год общий баланс ввоза и вывоза стал активным: Россия «сухим путём» и морем вывезла в Турцию товаров на общую сумму 1 159 012 руб., а ввезла на 1 110 466 руб.¹⁹.

В «Ведомости...», учитывавшей прибытие русских судов в Константинополь и отплытие оттуда к российским портам за 1800–1801 гг., значится, что в 1801 г. из прибывших 79 торговых судов из Таганрога, Одессы, Николаева, Херсона и «из Крыма» большая часть (49) имело портом отправления Таганрог, на втором месте указывалась Одесса (18). Такая же картина складывалась и в 1800 г.: из Таганрога прибыло 41 судно, из Одессы – 31²⁰. Кроме общих списков имелся перечень всех торговых судов помесечно, из которых следовало, что за март, апрель и май 1801 г. к упомянутым выше главным торговым портам присоединились Херсон и «Крым», иногда упоминавшийся как «Еникале», т. е. Керчь. Большое число иностранных судов, имевших портом назначения Одессу, перевозили балласт – камень, который принимался за небольшую плату в 18 руб. за квадратный сажень и шёл на строительство города²¹.

В ведомостях учитывалось количество иностранных судов: турецких, «цесарских», Республики семи соединённых островов и судов «под российским флагом». К началу XIX в. Россия не успела обзавестись собственным торговым флотом, российские товары перевозились на судах, принадлежавших грекам из Архипелага. Судостроение на Чёрном море развивалось медленно, суда строили «на глаз» топором, без чертежей крестьяне, взятые от сохи. На кораблях «под российским флагом» шкиперами числились греки: Димитрий Матака, Христофор Каравия, Панаин Кундури, Христофор Рафтопуло²². Это означает, что суда не выходили в Средиземное море, поскольку по принятому законодательству вся черноморская торговля разделялась на «большую» и «малую». Суда «большой» торговли могли выходить в Архипелаг и Средиземное море, но они должны были строиться в России и иметь шкипером русского. Вторые плавали лишь до Дарданелл, зато могли принадлежать иностранцам и иметь греческих шкиперов (Познер 1895: 127). Только в 1834 г. в Херсоне было открыто училище торгового мореплавания. 24 его воспитанника изучали турецкий, греческий и итальянский языки, а также кораблестроение и навигационные науки. Но количество русских шкиперов сильно уступало иностранным: в 1840 г. на торговых судах Чёрного моря плавали 26 русских шкиперов и 136 иностранцев.

На торговых судах с островов Архипелага и с материковой Турции в Одессу и Таганрог «по торговым делам» прибывало большое количество пассажиров-греков. На таком судне в мае 1802 г. в Одессу прибыл из Франции направля-

¹⁹ Там же. Л. 27-28.

²⁰ Там же. Л. 4, 22.

²¹ Там же. Ф. Консульство в Яффе. Оп. 823. Д. 1, л. 113.

²² Там же. Ф. СПб ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. Л. 39 об.

шийся в Петербург «профессор математики и аббат Йозеф Фонтен», а в июне того же года – иеромонахи Агафангел, Гавриил и Иосаф с архимандритом Афанасием, иеродиакон Гennaдием и монахом Макарием с Афонской горы, следовавшие в московский монастырь Св. Николая²³. Греческие торговцы обосновывались в причерноморских городах и открывали в них свои торговые дома; русские купцы не были объединены и не имели торговых домов.

На основании данных обширного – более 45 листов – отчёта главы российской миссии в Константинополе за 1800–1801 гг. можно составить картину общего состояния торгового судоходства в Чёрном море. Сведения о количестве судов, шедших к черноморскими портам и обратно, о пунктах назначения, странах отправления, о характере груза и его цене позволяют составить общий баланс товарообмена. Эти расчёты показывают, что даже в первые годы XIX в., когда русская торговля из черноморских портов только зарождалась, торговый баланс, хотя и незначительно, но неизменно складывался в пользу России. При этом надо иметь ввиду, что пшеница из Новороссии ещё не была главной статьёй черноморского экспорта России.

Учреждение нового порта в Керчи

Несмотря на то, что в торговом отношении усиливалась роль Феодосии и Одессы, в начале 1820-х гг. у российского правительства возникла идея учредить новый порт на восточном окончании Крыма. Эта мысль была высказана ещё Екатериной, когда она в 1771 г. писала В.М. Долгорукову: «Кафа велик город, в нём порт морской, но Еникале и Керчь открывают вход г-ну Сенявину водой в тот порт»²⁴. Стратегическое значение Керчи было уникальным: она «стояла на страже» морского проникновения в Азовское море. Недаром сначала генуэзцы, а затем и турки выстроили здесь мощную крепость Еникале, запиравшую вход из Чёрного моря в Азовское. По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Керчь и Еникале вошли в состав России. Решено было усилить торговую роль города; указом от 10 октября 1821 г. Александр I повелевал открыть в Керчи порт «для улучшения торговли нашей на Чёрном и Азовском морях»²⁵. В «Постановлении об открытии Керченского порта» говорилось, что новый порт в Крыму должен способствовать развитию торговли и промышленности «до возможного совершенства». Для этого следовало учредить портовый карантин и таможню. Местное управление новыми заведениями вверялось Керчь-Еникальскому градоначальнику, который подчинялся херсонскому военному губернатору, заведовавшему всей торговлей Керченского края.

²³ Там же. Л. 39-42.

²⁴ Крым в развитии России ... С. 229.

²⁵ Там же. С. 276.

Согласно «Постановлению...», в Керченском порту следовало принимать суда с «дозволенными к привозу товарами всякого рода» после очищения в карантине, досмотра в таможне и взимания пошлины по тарифу. Дальше товары должны были перевозиться в Таганрог, где находился главный склад. Для перевозки назначались каботажные суда, на их строительство казна выделила 150 тыс. рублей – по 2 тыс. рублей ежегодно каждому, кто хочет построить каботажное судно²⁶. Каботажные суда, ходившие между российскими портами, получали паспорта и освобождались от уплаты пошлин. Во время плавания к иностранным портам они должны были уплачивать пошлины за каждый ласт груза (один ласт равнялся 120 пудам)²⁷.

В части 26-й «Постановления...» говорилось о том, что главная выгода Керченского порта состоит в его географическом положении: отсюда на больших судах можно отправлять товары, поступившие из любых пунктов на берегу Азовского моря. Указом от 13 октября 1822 г. Симферопольскому уездному казначейству было выделено 13 541 руб. 50 коп. на перестройку Керченской таможенной заставы²⁸ под руководством инженера Е.И. Фон Дена. Открытие таможни 19 августа 1823 г. положило старт торговым операциям.

Строительство порта происходило с затруднениями. Была начата дискуссия по поводу возможности строительства порта в означенном месте. По мнению специалистов, глубина Керченского пролива, составляющая не более 16 футов, не могла позволить принимать и грузить купеческие суда, число которых, как и в Таганроге, должно составлять не менее 200. Однако в результате возобладало другое мнение, согласно которому порт не требовал проведения работ по углублению дна и мог свободно принимать близко проходящие суда²⁹.

Помимо налаживания торговли с портами Азовского моря, новому порту предстояло расширить торговлю с народами Черкесии. Для обеспечения спокойствия края посредством привлечения местных народов к торговым связям и «укрощения их дикости чрез постепенное приучение к выгодам общежития и образованности»³⁰, было учреждено Попечительство керченской и бугазской торговли с черкесами и абазинцами³¹. Контроль над работой Попечительства возлагался на трёх министров: внутренних дел, финансов и иностранных дел. Возглавил Попечительство надворный советник Рафаил Августинович Де Скасси, по указу от 8 августа 1816 г. причисленный к Коллегии иностранных дел; деятельность Попечительства контролировало именно это ведомство. За годы

²⁶ Там же. С. 277-278.

²⁷ Там же. С. 296.

²⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 227. Л. 11.

²⁹ Там же. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д.3 (1816). Л. 167 об.

³⁰ Там же. Л. 153.

³¹ Абазинцы – одна из ветвей абхазо-абазинского народа Кавказа.

существования Попечительства из его канцелярии в Российский МИД было отправлено 103 донесения за подписью Де Скасси и его заместителя Д.Ф. Кординца и получено 28 инструкций управляющего Министерством³².

Уроженец Генуи Де Скасси успешно продолжил дело своих земляков, ещё в Средневековье осваивавших крымскую торговлю. Прибывший в Одессу в начале XIX в., Де Скасси начал предпринимательскую деятельность под покровительством Э.О. Ришелье и А.Ф. Ланжерона. Уже в 1811 г. Де Скасси предложил установить торговые отношения с жителями черкесских берегов. Он предпринял плавание в эти области, уговаривая местных жителей заняться вырубкой и заготовкой леса, который пригодился бы для нужд Севастопольских верфей. С 1816 по 1819 гг. шла интенсивная переписка предприимчивого генуэзца с А.Ф. Ланжероном, Э.О. Ришелье, К.В. Нессельроде и самим императором по поводу открытия нового порта. В своих письмах Де Скасси называл Керченский пролив передовым постом или воротами в Азовское море и часто сравнивал его с Константинопольским. В некоторых бумагах пролив даже назван Босфором. Доказывая выгоды от устройства сношений черкесами для Российской империи, Де Скасси предоставил императору Записку³³ с просьбой отдать ему на откуп соляную торговлю Крыма с Кавказским берегом «в полное распоряжение на 15 лет». Рассмотрев предложение Де Скасси, министр финансов Д.А. Гурьев сообщал Нессельроде, что в соляных озерах при Чёрном и Азовском морях добывают соответственно до 200 и до 400 тыс. пудов соли, которая нужна для снабжения внутренних губерний России. Де Скасси получил разрешение заниматься соляной торговлей на общих основаниях, наряду с другими купцами³⁴. В 1816 г. Де Скасси получил 100 тыс. пудов соли по 5 коп. за пуд, что было очень выгодно для торговли с горцами, которая всегда складывалась в пользу российских купцов.

Идея Де Скасси об открытии торговой навигации к черкесским берегам показалась местным властям многообещающей. Херсонский военный губернатор граф Ланжерон поддержал её и предложил отдать торговлю с Черкесией под руководство Де Скасси. Комитет министров, рассмотрев это предложение 19 августа 1819 г., постановил: учредить в Керчи таможенную, а в Бугазе, на Таманском полуострове, – меновой двор, вверить торговые дела Попечительству, назначив Де Скасси инспектором двух таможен и двух карантинных. Сверх того, генуэзцу выделялось 200 тыс. рублей на постройку кораблей³⁵. И в дальнейшем Де Скасси получал деньги от государства: в докладе императору от 17 января 1822 г.

³² Там же. Д.5 (1830-37). Л. 86-89.

³³ Там же. Л. 38.

³⁴ Там же. Л. 60 с об. Д.А. Гурьев К.В. Нессельроде. 11 июля 1816 г.

³⁵ Там же. Л. 153-158. Выписка из журнала. заседаний Комитета министров от 19 августа 1919 г.

говорилось, что два корабля Де Скасси разбились у Кавказских берегов, кроме того, он потратил собственных 10 тыс. рублей на выкуп тринадцати русских пленников и объявил, что разорился. Указом Александра I Де Скасси получил 70 тыс. руб. для покрытия расходов и 25 тыс. руб. «заимообразно» на 10 лет без процентов³⁶.

Штат Попечительства был невелик. Во главе встал Де Скасси с окладом в 1,5 тыс. руб., его заместителем был назначен надворный советник Д.Ф. Кодинец, по одному чиновнику было направлено в Анапу, Геленджик, Суджук-кале (совр. Новороссийск), Пшад (совр. Пшада) и Бугаз. Министерство иностранных дел, принимая во внимание особенности менталитета народов Востока, из сметы расходов Азиатского департамента на азиатских посланников выделило 3 тыс. руб. для угощения черкесских князей. Общий годовой объём бюджета Попечительства, утверждённый императором 17 января 1822 г., составил 17 100 руб.; из них 9 650 руб. полагалось на счёт Бугазского менового двора, в штате которого служили начальник, комиссар, лекарь и унтер-комиссар, а также работники таможни. Суммы, выделяемые Попечительству, постоянно возрастали. В 1826 г. общая сумма увеличилась до 28 530 руб., а на приём азиатских посланников полагалось 15 тыс. руб.³⁷ Жалование поступало по третям года из Симферопольского и Феодосийского уездных казначейств. Кавказский берег Чёрного моря принадлежал Турции, и торговля с народами Кавказа рассматривалась как зарубежная. По именному высочайшему указу от 16 февраля 1822 г. на имя Новороссийского генерал-губернатора графа А.Ф. Ланжерона следовало «безотлагательно» начать торговлю с черкесами и абазинцами³⁸. До тех пор, пока в Керчи не будет выстроен карантин, министр финансов Д.А. Гурьев предложил «беспошлинно» пропускать товары из Черкесии через Феодосийскую таможню³⁹.

Торговля России с народами Кавказского берега Чёрного моря

До заключения Адрианопольского мира 1829 г. весь Кавказский берег Чёрного моря находился во власти Турции, однако внутренние территории оставались независимыми. Формально горские народы состояли в подданстве султана, однако на деле они скорее входили в сферу политического влияния турецкого правительства. Если старшины натухайских⁴⁰ аулов около Анапы иногда приносили присягу султану, то проживавшие в горных районах черкесы никогда не

³⁶ Там же. Л. 195–197.

³⁷ Там же. Д. 5 (1830–1837). Л. 2.

³⁸ Крым в развитии России... С. 288.

³⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 208. Л. 4.

⁴⁰ Название одного из адыгских племён.

принимали на себя вассальных обязательств по отношению к Порте. Не признавая власти Османской империи, местные владельцы отказывались подчиняться и российской. Даже после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. они не считали себя обязанными соблюдать условия Адрианопольского мира.

Представители российской власти, выполнявшие обязанности торговых агентов и переводчиков в портах Черкесии, имели своих осведомителей на местах и регулярно доносили руководству о настроениях местных народов. Турецкую власть на всём побережье осуществлял паша, чья резиденция находилась в Анапе. Командующий Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолов докладывал К.В. Нессельроде, что крепость Анапа хорошо укреплена, в ней есть ров и вал, в середине находятся 12 казарм, имеется 16 полевых орудий, гарнизон насчитывает 5 тыс. военных⁴¹. Российские власти чутко следили за тем, что происходит в крепости, опасаясь усиления военного присутствия турок. Осенью 1827 г. в Анапу под предлогом смены гарнизона прибыли 600 чел., что вызвало сильную обеспокоенность российского командования⁴². Опасения усиливались известиями о непослушании местного населения турецкой власти. Один из горцев-осведомителей сообщал, что «все горские черкесы, шапсуги, натухайцы, бжедухи, имбазохи... не хотят повиноваться турецкому правительству»⁴³. «Большая часть горских обитателей не учинила ещё присягу на верность султану», – говорилось в рапорте на имя И.П. Паскевича⁴⁴. Из Анапы поступали сведения, будто шапсуги перекрыли дороги в крепость и не давали принять присягу на верность турецкому султану⁴⁵. Переводчик анапского Гассан-паши К.И. Панतिकопейский сообщал о том, что местное население объединяется против паши с тем, чтобы не принимать «магометанского закона»⁴⁶. Религия абазинцев представляла собой смесь христианства и пантеизма. Для обращения горских народов в мусульманство в Анапу прибыл муфтий. Порта пыталась назначить бея с резиденцией в Сухуме, но абазинцы отказывались ему подчиняться (Пейсонель 1927: 27).

Усиливались конфликты турецкой власти с местными князьями, вплоть до того, что российские военные готовы были эвакуировать некоторых из них в Россию. В июле 1827 г. главнокомандующий Черноморским флотом А.С. Грейг сообщал в секретном донесении в Керчь о готовности вице-адмирала М.Т. Быченского выслать судно из Севастополя, чтобы вывезти из Черкесии князя Индар-оглу с семейством и других князей, искавших защиты от анапского

⁴¹ Там же. Ф. ГА II-3. Оп 34. Д. 6. Ч. 1 (1824–1829). Л. 245.

⁴² Там же. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 232 (1827). Л. 245 с об.

⁴³ Там же. Л. 193. В документе перечислены адыгские племена.

⁴⁴ Там же. Л. 97 об.

⁴⁵ Там же. Л. 62.

⁴⁶ Там же. Л. 160.

паши. Это предприятие было отменено, поскольку Индар-оглу находился в Геленджике, а по берегам этой бухты «живёт народ, нам не приверженный», известный разбоем на больших гребных судах, что создавало угрозу подходу российского судна⁴⁷. Де Скасси удалось наладить отношения с натухайскими князьями. В 1827 г. руководитель Попечительства просил разрешения выдать Индар-оглу 7,5 тыс. рублей, который тот был должен выплатить за убийство двух своих врагов⁴⁸. Это было платой за оказанную ранее услугу – после того, как судно Де Скасси было разбито бурей у Кавказских берегов, люди Индар-оглу оказали помощь штурману Червякову и десяти членам команды, снабдив их всем необходимым. «Дело невероятное, – писал Козинцев, – чтобы черкесы столь благосклонно отнеслись к русским»⁴⁹. Анапский паша был крайне недоволен сближением черкесов с русскими; он считал, что русские привозят военные припасы для строительства крепостей. Турецкие муллы твердили, что под видом дружелюбия русские будут стараться посеять вражду и раздор, чтобы покорить местное население силой⁵⁰.

В 1826 г. Де Скасси встал на защиту горцев, подвергшихся разорению со стороны военного отряда, состоявшего в подчинении главноуправляющего Черноморским казачьим войском генерал-майора М.Г. Власова. Де Скасси утверждал, будто князья аула дружелюбно настроены к России, и действия русских военных могут подорвать мирное общежитие народов. Дело дошло до императора. На Кавказ был послан генерал-адъютант С.С. Стрекалов с заданием разобраться в ситуации. В результате было принято решение отстранить Власова от должности и возместить за его счёт убытки, понесённые натухайцами. На место Власова был назначен генерал-майор В.А. Сысоев из войска Донского, а 26 августа 1826 г. в Бугазе натухайскому князю Сагат-Гирею было выдано 10 тыс. рублей, взысканных с Власова⁵¹. Эта история имела продолжение: в 1831 г. Власов был оправдан по суду и потребовал вернуть ему деньги. Николай I официально помиловал генерал-майора Власова в феврале 1830 г.

Начало в 1821 г. Греческого восстания сузило средиземноморскую торговлю России. В 1825 г. Феодосийский градоначальник докладывал министру финансов о том, что с начала навигации в крымские порты не прибыло ни одного турецкого корабля и торговля не велась⁵². Ранее русско-турецкая торговля развивалась успешно, поэтому следовало надеяться на её возобновление после «совершенного прекращения греческих беспокойств»⁵³. Только 28 апреля 1827 г.

⁴⁷ Там же. Л.168 с об.

⁴⁸ Там же. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 6. Ч.1 (1824–1829). Л. 156 с об.

⁴⁹ Там же. Л. 39 с об.

⁵⁰ Там же. Л.13 об-14.

⁵¹ Там же. Л. 206 с об.; 237.

⁵² Там же. Ф. СПб ГА II-3. Оп. 34. Д. 4 (1825).

⁵³ Крым в развитии России... С. 312.

последовал указ Николая I Коллегии иностранных дел о восстановлении торговли с Черкесией. В нём говорилось: «Полагая, что учреждением сей торговли можно будет приучить горские народы к выгодам общежития и образованности и тем самым преодолеть их дикость и дух хищничества, дозволить принимать в Керчи и на Бугазе произведения их»⁵⁴. Принимавшиеся товары освобождались от пошлины на 10-летний срок. В Правительствующем Сенате был заслушан доклад Управляющего Министерством внутренних дел, который свидетельствовал о готовности порта в Керчи принимать товары из Черкесии; товары, поступавшие сухопутным путём, был готов принимать Бугаз. Для очищения товаров действовал карантин. В докладе говорилось, что товары должны быть «к выводу дозволенные», кроме золотой и серебряной монеты, запрещалось вывозить свинец, порох и холодное оружие.

На территории Черкесии торговля была меновой, ввоз денег и драгоценных металлов запрещался, и для ведения торговых операций учреждались меновые дворы в Керчи и Бугазе. Для закупки товаров и поддержания отношений с местным населением в шести населённых пунктах Кавказского побережья, имевших удобные бухты для подхода российских судов, постоянно находились российские комиссары, числившиеся на службе в Попечительстве керченской и бугазской торговли. Комиссаром в Пшаде был коллежский регистратор Тауш, в Геленджике – титулярный советник Люлье. Известно о деятельности в Черкесии титулярного советника А.Б. Ашика, сотника Вечеровского и переводчика К.И. Панतिकопейского. Есть упоминания о чиновнике Мольфино и письмоводителе Леонардо Лагорио. Комиссарам предписывалось наблюдать за обстановкой на вверенной им территории, контролировать количество заявленных в документах грузов, способствовать развитию торговли с местным населением и посылать в Попечительство отчёты о происходящем в округе.

В Черкесию ввозили шерсть, шёлк, железо и изделия из него, пряности, соль, ткани (ситец, холст, кисею, шёлк), нитки и пояса. Спросом пользовались изделия из выделанной кожи (сафьян, сапоги) и разнообразные изделия из железа – иголки, стремена, подковы. Вывозили с Кавказского побережья невыделанные шкуры рыси, белки, волка, мёд, воск, буквое дерево (Пейсонель 1927: 25). В Крыму, где проживало много татар, ценились кавказские лошади, в большом количестве привозимые из Черкесии.

Основную часть вывоза в Черкесию составляла соль, добытая на крымских солончаках. В марте 1824 г. Государственный совет утвердил введение вольной продажи соли с оговоркой, что все партии добытой в Крыму соли должны иметь сертификат о происхождении. Пошлина на вывозимую соль в размере 15 коп. с пуда должна была взиматься в таможене Крымского полуострова⁵⁵. Исключение

⁵⁴ Там же. С. 320.

⁵⁵ Крым в развитии России... С. 298.

делалось лишь для соли, поставляемой в Одессу. Существовали специальные шкалы обмена – например, пуд соли можно было поменять на 50 пудов воска. Ввоз иностранной соли на черноморское побережье России был законодательно запрещён⁵⁶.

Ежегодно в Министерство иностранных дел предоставлялись ведомости о торговле с черкесами и абазинцами. Так, в 1822 г. к Кавказскому берегу из Керчи было послано три судна, в 1823 – 10, а в 1825 – семь судов. Суда, нагруженные солью и железом, были отправлены в Геленджик, Пшад, Суджук-Кале и Тду. Грузы принадлежали бахчисарайским, херсонским, измайльским и керченским купцам. В обмен получали рожь, кукурузу, воск, мёд, дубовые доски, ячмень, орехи⁵⁷.

На Кавказ было запрещено ввозить оружие, в том числе холодное, а также порох и ядра. Поставка этих товаров началась задолго до вхождения Северного Причерноморья в состав России. В 1826 г. керченский полицмейстер жаловался на то, что местные купцы провозят в Черкесию запрещённый товар⁵⁸. Российский посланник в Константинополе А.И. Рибопьер получал уведомления о том, что в Анапу из Турции прибывают суда с порохом и пушками, а на одном из судов находилось 300 вооружённых турок⁵⁹. В донесении подчёркивалось, что такие поставки особенно опасны на фоне войны России с Персией.

Следовало иметь в виду, что к тому времени осложнились отношения с Османской империей в связи с невыполнением последней обязательств Аккерманской конвенции 1826 г. Уже весной 1827 г. в секретном донесении командующего в войске Черноморском в Попечительство керченской и бугазской торговли сообщалось об имевшихся сведениях относительно намерения турок напасть «на пределы наши», что подтверждал и командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Г.А. Эммануэль⁶⁰. Напряжённость ощущалась и в торговых делах. Осенью 1827 г. инспектор Керченского портового карантина интересовался, не будет ли представлять опасность для российских торговых судов плавание к берегам Черкесии – в Пшад, Геленджик и Суджук-Кале⁶¹? К тому времени были уже приостановлены торговые операции с Константинополем на судах под российским флагом, но каботажные суда ждали в Керчи своего отправления в Черкесию. Так, судно «Св. Николай» (шкипер Антон Болдырев) окончило 11 ноября погрузку российских товаров и ждало отплытия в Бухор. Керченская таможня испрашивала разрешения на отправление «Св. Николая», имея в виду, что Бухор находится на территории Турции, вблизи Анапы⁶².

⁵⁶ Там же. С. 300.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 6. Ч.1 (1824-1829). Л. 9;; Л. 70; Л. 151.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 188. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Д. 241. Л. 5-9.

⁶⁰ Там же. Д. 232. Л. 14.

⁶¹ Там же. Д. 229. Л. 5.

⁶² Там же. Л. 2 с об.

Непосредственно перед началом русско-турецкой войны российские власти предпринимали определённые меры для удержания черкесского населения в мире. 27 февраля 1828 г. последовало предписание генерал-лейтенанта Г.А. Эммануэля комиссарам, имевшим связи с местным населением, довести до сведения жителей причерноморской линии, что в случае разрыва отношений между Россией и Турцией соблюдение спокойствия гарантирует им помощь со стороны российских войск.

Работорговля и «кавказские пленники»

Проблема взаимоотношений России с горскими народами Северного Кавказа включала в себя несколько аспектов: политические отношения с черкесами, установление и поддержание торговых связей, контрабандная поставка горцам вооружения турками и англичанами, а также широко распространённая работорговля между Черкесией и турецкими городами, которая для горских народов была самой прибыльной статьёй сбыта. Для российских властей это было неприемлемо, что зафиксировано в документах. В 1805 г. вышел указ о том, что жертвы работорговли, оказавшись на российской земле, получают свободу. Российские власти в Крыму и на всей территории Новороссийской губернии действовали в соответствии с данным указом, считая работорговлю «постыдным и бесчеловечным торгом»⁶³. Когда осенью 1817 г. турецкий корабль «Шайка» с невольниками вынужден был искать защиты от непогоды в Феодосийском порту, градоначальник С.А. Санковский приказал освободить 60 невольников с берегов Абхазии. Владелец судна Али Мустафа, «быв лишён ожидаемых выгод», в продолжении пути в Константинополь «изыскивал средства каким-либо образом заменить потерянный им выигрыш» и жаловался Порте, в результате чего Александр I распорядился выплатить турецким купцам 120 тыс. пиастров в порядке возмещения убытков⁶⁴. 27 ноября 1826 г. феодосийский градоначальник сообщал о том, что к Севастопольскому порту непогодой занесло турецкое судно «Имбрик», плывшее из Анапы в Константинополь. На борту находились более 100 пленных женщин-черкешенок, которые за свою красоту особенно ценились на невольничьих рынках Турции (Пейсонель 1929: 27). В Севастополь для расследования происшествия был направлен С.А. Санковский. Однако невольницы, назначенные для продажи в Константинополе, отказались от предоставленной им свободы и выразили намерение продолжить плавание. По результатам проведённого следствия выяснилось, что на свободу хотят выйти двое пленных австрийцев, «русская девка Марья и две малолетних татарки»⁶⁵. Бытовало мнение, что в Турции невольникам с Кавказа открываются воз-

⁶³ Крым в развитии России... С. 275

⁶⁴ Там же. С. 316.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 162.

возможности для устройства своей судьбы, тем более что не все невольники были украдены – многие семьи продавали туркам девушек и детей, получая за них значительные суммы. Об этом случае К.В. Нессельроде специально докладывал российскому императору, ссылаясь на прецедент, имевший место в правление Александра I, когда за освобождённых рабов российское правительство выплачивало деньги их хозяевам. Другой стороной вопроса была судьба «кавказских пленников» – этот расхожий термин бытовал в прессе и в художественной литературе. Сообщения о захватах судов горскими народами поступали регулярно. Экипажи захваченных черкесами торговых и крейсерских судов становились рабами и зачастую увозились далеко в горы. Весной 1827 г. на берег Чёрного моря ниже крепости Анапы непогодой было выброшено два российских судна. Одно, купеческое, шло из турецких владений с балластом, на втором находился груз пороха и свинца. В команде числились двое офицеров, пятеро пассажиров и пятьдесят пять рядовых солдат. На транспорте «Ревнитель», шедшем из Севастополя в Керчь и бурей занесённом к Анапе, находилось 40 человек команды и трое офицеров под командованием лейтенанта Талаева⁶⁶. В 1822 г. черкесы захватили судно «Рафаэль», а в 1824 г. – «Илья Пророк»⁶⁷. В отличие от этих ситуаций, при крушении российских судов у азиатских берегов Турции потерпевшим не угрожали плен и рабство. Так, судно «Всех Святых» с 7 тыс. пудов соли на борту вышло из Евпатории в Бердянск, но, занесённое бурей к азиатскому берегу Чёрного моря, разбилось в ночь с 24 на 25 ноября 1844 г. близ Пендераклии⁶⁸. Судно было потеряно, однако выжившие семеро человек его экипажа были отправлены в Россию⁶⁹. В отличие Кавказского берега Чёрного моря, на территории Османской империи русских матросов в плен не брали.

Судьба пленных была незавидной; зачастую они пропадали в далеких аулах. За пленников местные жители рассчитывали получить богатый выкуп. Нужно отдать должное российским властям, которые выделяли средства на выкуп и добивались освобождения пленных. А.Ф. Ланжерон писал 14 сентября 1822 г. Де Скасси «Прошу вас принять строгие меры для отыскания пленных» и выделил на выкуп 30 тыс. руб. Известно, что Де Скасси потратил на выкуп пленных 10 тыс. личных денег, которые были позже ему возмещены властями. Требование «избавления от неволи» предъявлял и князь М.С. Воронцов, заступивший в мае 1823 г. на пост Новороссийского генерал-губернатора. На подкуп осведомителей и плату черкесам выделялись специальные средства. В 1824 г. из черкесского плена был выкуплен экипаж русского судна: в списке выкупленных, составленном чиновниками Попечительства торговли, было шесть фамилий

⁶⁶ Там же. Д. 221. Л. 2-3.

⁶⁷ Там же. Д. 22 (1822); Д. 98 (1824).

⁶⁸ Крым в развитии России... С. 329.

⁶⁹ Там же. С. 330.

матросов и купцов, один из которых находился в плену 10 лет. Аналогичные сведения о выкупе пленных поступали в 1829 и 1831 гг.⁷⁰ В среднем на выкуп одного человека выделялось по 400–600 руб.

В плен захватывали не только российских подданных. В июле 1826 г. Воронцов писал Де Скасси, что к нему обратился неаполитанец Анджело Люте, который просил выкупить из правительственных сумм своего оказавшегося в плену зятя Викентию Раджи⁷¹. Абазинцы запросили за освобождение Раджи 530 руб., поскольку тот заявил, что является персоной высокого происхождения; неаполитанский консул Серибаса выдал 375 руб., собранных по специальной подписке. Викентию Раджи был не единственным итальянцем в черкесском плену. В 1827 г. из плена были выкуплены итальянцы Константин Кацеяшко и Антонио Валяло, в 1831 г. российские власти занимались выкупом австрийского подданного Георгия Симуновича⁷².

Вступая в 1828 г. в войну с Османской империей, российские власти объявили об отсутствии притязаний на турецкие территории на Балканах, однако ничего говорили об отказе от намерения завершить присоединение Кавказа. 12 июля 1828 г. морскими силами под командованием вице-адмирала С.К. Грейга была взята Анапа, и тем же летом – Ахалцих, Потти, Карс. Весь берег Чёрного моря от устья реки Кубани (в 30 верстах севернее Анапы) до пристани Св. Николая (южнее Потти, т.е. до Кобулети) вошёл в состав Российской империи «на вечные времена».

Турки не могли смириться с потерей кавказского побережья и распускали среди местного населения нелепые слухи о том, что Анапа, Потти и Сухум, по условиям Адрианопольского договора 1829 г., отошедшие к России, возвращены Османской империи. Они уверяли «горцев и черкесов» в том, что эти территории уступлены России всего лишь временно. Российские комиссары докладывали, что горские народы не расположены к России и согласны подчиниться властям только в том случае, если те от них будут требовать не больше, чем турки. Турецкие суда беспрестанно приходят в Геленджик, для турок открыты магазины, кофейные дома, строятся мечети – рапортовал из Керчи надворный советник Кодинец в Азиатский департамент. Командующий Черноморским флотом докладывал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову о частых поставках оружия к берегам Абхазии. Эти поставки продлевали сопротивление горских народов новой власти, заставляли держать в приморских крепостях крупные гарнизоны, провоцировали нападения на форты и вели к потерям российской стороны. В ответ на эти сообщения Меншиков распорядился производить крейсирование вдоль берегов. Для командиров крейсеров

⁷⁰ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп.181/7. Д. 96 (1824), Д. 102 (1824), Д. 357 (1831), Д. 374 (1832).

⁷¹ Там же. Д.161 (1826).

⁷² Там же. Д. 224 (1827), Д. 364 (1831).

были составлены инструкции, следуя которым они могли допускать «по черноморскому восточному берегу нашему иностранные коммерческие суда только к двум пунктам: к Анапе и Редут-кале [совр. Кулеви], в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближаться оным запрещается».

После формального присоединения черноморского берега Кавказа к России в 1829 г. турецкие и английские суда стали привозить горцам много оружия. Англичане усилили разведывательную деятельность на море и на Кавказе. Широко известен Дэвид Уркварт, советник английского посольства в Константинополе, приложивший немало усилий для поддержания антирусского сопротивления на Кавказе. Не без его участия торговля с горскими народами терпела убытки после завершения войны. Меновые дворы не работали, в лучшем случае торговля шла вяло. Горцы, не подчинявшиеся ранее туркам, не хотели подчиняться и России. В беседе российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго с Г. Пальмерстоном по поводу английской шхуны «Виксен», захваченной русскими моряками с грузом оружия для горских народов, Пальмерстон оспаривал право России на черноморское побережье на том основании, что Турция якобы не могла передать России то, чем не владела сама. Этот тезис на многие годы вперёд был взят на вооружение европейскими пропагандистами и историками.

Расширение международной торговли в Керчи

Циркулярной нотой российского МИДа всем российским представителям за границей было объявлено, что с 1 августа 1827 г. Керченский порт готов при соблюдении санитарных правил принимать не запрещённые зарубежные товары после выплаты пошлины. Этот циркуляр получили российские представители в Париже, Турине, Мадриде, Флоренции, Брюсселе, Амстердаме, Лондоне, Генуе, Неаполе, Ливорно, Гамбурге, Лиссабоне, Бордо, Марселе, Франкфурте, Филадельфии, Триесте, Венеции, на Корфу и Мальте⁷³. Несмотря на внушительный список адресатов, это послание прежде всего адресовалось купцам средиземноморского бассейна, среди которых наиболее тесные торговые связи поддерживались с обитателями Турции и Леванта.

Главнейшими заведениями нового порта были таможня и карантин, где товары, «приемлющие заразу», подлежали очищению⁷⁴. Карантин играл важнейшую роль в предотвращении болезней и эпидемий. Ещё в 1803 г. российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский сообщал о «моровой язве», которая «вовсе не переводится» в турецкой столице. Речь шла о чуме, которая с большей или меньшей силой постоянно «тлела» на городских окраинах. Ита-

⁷³ Крым в развитии России.... С. 324.

⁷⁴ Там же. С. 320.

линский дал поручение управляющему Купеческой канцелярией миссии статскому советнику И.К. Фродингу выдавать специальные паспорта судам и пассажирам, следующим в черноморские порты. В этих паспортах прописывалось, в каком санитарном состоянии находится турецкая столица, где чума «простиралась», «усиливалась» или «уменьшалась»⁷⁵. На черноморском побережье Кавказа также периодически вспыхивала эта «заразительная болезнь». В 1826 г. по этой причине был введён запрет принимать товары из Черкесии в Керчи и на Бугазе⁷⁶. После присоединения Кавказского побережья к России в 1829 г. вышло постановление об учреждении карантинной заставы в Анапе⁷⁷.

Но и до официального открытия Керченского порта для иностранных купцов иностранные суда, следовавшие к портам Азовского моря, были обязаны перед отходом в Таганрог выдерживать шестидневный карантин. К примеру, 6 апреля 1823 г. к Керченскому карантинному порту прибыли австрийские суда «Бинино», «Одобрин», «Джерджионо» и английское судно «Св. Николай» с грузом лимонов, маслин, фиников, вина и апельсинов⁷⁸.

Крымская торговля набирала обороты. Керченский порт становился важнейшим для перевалки товаров из бассейна Азовского моря и в торговле с черноморским берегом Кавказа. Примечательно, что в 1829 г. А.С. Грейг направил на имя К.В. Нессельроде предложение открыть подписку для возведения в Херсонесе, близ Севастополя, православного храма. Храм предлагалось посвятить Св. Владимиру, а кроме того, здесь же предполагалось возвести памятник в честь принятия христианства⁷⁹. Монумены были призваны олицетворять власть России в Новороссии и в Крыму.

После заключения Адрианопольского мира 1829 г. и перехода кавказского побережья Чёрного моря в состав России отпала необходимость в существовании Попечительства торговли с черкесами и абазинцами. Нессельроде сообщал директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникину 29 октября 1829 г. об упразднении Попечительства и передаче руководства краем Комитету в составе тайного советника Ангеля, генерал-майора В.А. Перовского и директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Де Скасси был уволен с единовременной выплатой годового жалования. Временное исполнение его должностных обязанностей для принятия кассы, архива и всех дел Попечительства было возложено на его заместителя Козинца. Было решено не требовать от Де Скасси выданных ему заимообразно сумм, поскольку он «первый открыл нам путь к враждебным горцам» и подвергся разорению своих судов и торговых

⁷⁵ Там же. С. 261.

⁷⁶ *АВПРИ*. Ф. СПб ГА V-53. Оп. 181/7. Д. 177 (1826), Д. 197 (1826).

⁷⁷ Там же. Д. 336 (1829).

⁷⁸ Крым в развитии России.... С. 295.

⁷⁹ Там же. С. 328.

заведений⁸⁰. Складывается впечатление, что в правительстве были недовольны деятельностью Де Скасси – он был игрок, масон, часто злоупотреблял доверием властей и действовал в свою пользу. Аудиторская проверка, проведённая после его отставки, выявила в Попечительстве злоупотребления и недостачу средств. Государственное казначейство запрашивало Азиатский департамент, стоит ли скостить попечителю эти деньги, как и выданные ранее «заимообразно» суммы⁸¹? С другой стороны, он основал в Керчи музей древностей и много способствовал собиранию его коллекции.

На заседании Комитета 23 марта 1830 г. обсуждалась судьба вновь присоединённых земель. По мнению членов Комитета, следовало наблюдать за горцами, вооружённой рукой наказывать за грабежи и разбой и, сохраняя «строгую правосудность», заставить их почувствовать все блага мира, порядка и просвещения. Местное население не должно было иметь контактов с турками и вообще «чужестранцами», а также «совершенно и навсегда» прекратить торг невольниками «к истинной славе России». Военным надлежало продолжить крейсирование вдоль черноморского побережья, возбраняющее иностранным судам приставать к берегам Чёрного моря. Молодых черкесов предлагалось направлять на обучение в российские города, а новые территории развивать посредством беспошлинной торговли и участия в ярмарках в Ставрополе и Нижнем Новгороде⁸². Эти благодушные мирные предложения были разбиты единственным письмом И.Ф. Паскевича управляющему МИД: действовать с черкесами только военным способом – занимать их территорию и строить укрепления, благо этот народ понимает только силу!⁸³ Мнение командующего совпадало с тем, что писал главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии А.П. Тормасов ещё в 1811 г.: чтобы склонить черкесов в подданство России, следует действовать силой оружия⁸⁴. История развития черноморского побережья и его вхождения в состав России показала справедливость суждений прославленных военачальников, не понаслышке знавших особенности взаимоотношений с горскими народами Кавказа. Особое значение получили их предложения строить новые укрепления на берегу и дорогу от Кубани до Риони.

Заключение

Черноморское побережье Кавказа имело большое стратегическое значение для укрепления военного и экономического влияния России в Черноморском регионе. Условия Адрианопольского мира по Кавказскому разграничению не

⁸⁰ АВПРИ. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 9 (1829-33). Л. 23, 27 об.

⁸¹ Там же. Д. 5 (1830-37). Л. 19.

⁸² Там же. Л. 69-75.

⁸³ Там же. Л. 77.

⁸⁴ Там же. Л. 2 об.

вызвали сопротивления турецкой стороны, но их исполнение было встречено неожиданным протестом населения восточного берега Чёрного моря, которое подогревали турецкие власти и английские агенты. Российским военным пришлось преодолевать это сопротивление местных князей.

Вхождение «черкесских» народов в состав России имело огромное значение для развития государственности на присоединённых территориях, но происходило оно отнюдь не гладко, привлекая внимание и прямое вмешательство европейских государств и Османской империи. Геостратегическая (или аквастратегическая, по определению В.В. Дегоева) ценность Черноморского региона оставалась неизменной и даже возросла с уходом турок, поскольку явная заинтересованность Англии в своём присутствии на Кавказе требовала от российских властей немедленного реагирования.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 339.5(470.6)"18"
Received: November 23, 2022
Accepted: March 10, 2023

Russian Black Sea Trade in Early 19th Century

E.P. Kudryavtseva
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-199-221](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-199-221)

Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences

Abstract: This research article examines the development of trade in Crimea and Novorossiia following their incorporation into Russia. In the early 19th century, the grain trade in these regions had yet to gain momentum due to their limited development. However, ports in Feodosia, Taganrog, and Odessa regularly received ships from Constantinople and the Greek islands, while the port of Sevastopol primarily served military purposes. In 1821, under the decree of Alexander I, a port was established in Kerch to serve as an outpost at the entrance to the Sea of Azov and initiate trade relations with the mountain peoples along the Caucasian coast of the Black Sea.

The Russian authorities faced challenges such as arms smuggling and the flourishing slave trade during this period. Establishing trade relations between Crimea and Circassia was intended to promote peaceful interactions with the inhabitants of the Caucasian coast. To facilitate this, the Stewardship of Trade with the Circassians and Abazians was established, regulating ship dispatch to the Caucasian coast and overseeing the operations of markets in Kerch and Bugaz. Relations with the highland communities proved difficult, as they frequently captured Russian ship crews and demanded ransoms. Even after the Treaty of Adrianople in 1829, when these territories became part of the Russian Empire, the local populations resisted submission to the new government, just as they had resisted the authority of the Turkish Sultan previously.

Keywords: trade, foreign policy, Black Sea, Caucasian coast, Crimea, highlanders.

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in department «Russia in international relations» in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianov, 19.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Blijev M.M., Degoev V.V. 1994. *Kavkazskaja vojna* [The Caucasus War]. Moscow: Roset. 591 p. (In Russian).
- Borovoj S.J. 1962. Francija I vneshnepoliticheskiye operaciji na Chernom more v poslednei treti XVIII – pervoj polovine XIX v. [France and Foreign Policy Operations in the Black Sea in the End of 18 – First Half of 19th Century]. *Francuzskij ezegodnik*. 1961. Moscow. P. 496–506. (In Russian).
- Dzidzariya G.A. 1960. *Prisoyedineniye Abkhazii k Rossii i yego istoricheskoye znachenije*. [Accession of Abkhazia to Russia and its Historical Significance]. Sukhumi. 272 p.
- Kudryavtseva E.P. 2010. *Russkije na Bosfore. Rossijskoje posolstvo v Konstantinopole v pervoj polovine XIX veka* [Russians on the Bosphorus. Russian Embassy in Constantinople in the First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russian).
- Kulisher I.M. 1923. *Istorija ruskoj trgovli* [The History of Russian Trade]. Petersburg: Tip. Komintern. 328 p. (In Russian).
- Leyberov I.P. 1995. *Rossiya. Kavkaz. Abkhaziya*. [Leiberov I.P. Russia. Caucasus. Abkhazia]. Saint Petersburg. 95 p.
- Pejsonel M. 1927. *Isledovanie trgovli na cerkesko-abkhazskom beregu Cernogo mora v 1750–1812 godah* [The Research of the Trade on Circassian-Abkhassian Board of the Black Sea in 1750–1812]. *Kavkazskij sbornik* [The Caucasus collection]. Krasnodar. (In Russian).
- Pozner M.V. 1895. *Istoricheskij obzor pravitelstvenih meroprijatij dla razvitiya russkogo trgovogo morehodstva* [The Historical Review of the Governments Activity to Development of Russian Sea Trade]. Saint Petersburg. Tip. V.F. Kirshbaum. 369 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Блиев М.М., Дегоев. В.В. 1994. *Кавказская война*. Москва: Росет. 591 с.
- Боровой С.Я. 1962. Франция и внешнеторговые операции на Чёрном море в последней трети XVIII – начале XIX в. *Французский ежегодник*. 1961. Москва. С. 496–506.
- Дзидзария Г.А. 1960. *Присоединение Абхазии к России и его историческое значение*. Сухуми. 272 с.
- Кудрявцева Е.П. 2010. *Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века*. Москва: Наука. 348 с.
- Кулишер И.М. 1923. *История русской торговли*. Петербург: тип. Коминтерна. 328 с.
- Лейберов И.П. 1995. *Россия. Кавказ. Абхазия*. Санкт-Петербург. 95 с.
- Пейсонель М. 1927. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Чёрного моря в 1750–1812 годах. *Кавказский сборник*. Краснодар.
- Познер М.В. 1895. *Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства*. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума. 369 с.